

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ,

повествующая о том, как в течение ночи лекарь Сунь У-кун изготовил целебное снадобье, и как на пиру правитель Пурпурного царства рассказал про злого дьявола-оборотня

Итак, Сунь У-кун вместе с приближенными правителя и дворцовыми евнухами прошел во внутренний двор, подошел прямо ко входу в опочивальню правителя и остановился. Тут он дал евнуху три золотистых нити и велел поступить так:

— Пусть наложница правителя, его супруга либо приближенный дворцовый евнух, все равно кто, обвяжут концом каждой из трех нитей левую руку государя в трех местах, где прощупываются пульсы: «нижний», «средний» и «верхний», а второй конец каждой нити просунут мне через оконную решетку.

Евнух сделал все так, как ему было велено: попросил царя сесть на своем ложе, обвязал тремя концами золотистых нитей кисть левой руки государя в трех указанных местах, а второй конец каждой нити просунул через оконную решетку Сунь У-куну. Сперва, зажав одну нить между большим и указательным пальцами правой руки, Сунь У-кун проверил нижний пульс, затем, прижав средним пальцем к большому другую нить, проверил средний пульс и, наконец, приложив большим пальцем к безымянному конец третьей нити, проверил верхний пульс. После этого Сунь У-кун велел отвязать нити на левой руке государя и обвязать ими, в таком же порядке, правую руку. Проверив в той же последовательности биение пульса пальцами своей левой руки, Сунь У-кун встряхнулся и, превратив золотистые нити в волосы, водворил их на прежнее место.

— Нижний пульс на левой руке его величества, — закричал Сунь У-кун зычным голосом, — бьется очень сильно и напряженно; средний пульс — неровный и медленный, верхний пульс — в середине слабый, а по сторонам — сильный и глубокий, на правой руке нижний пульс поверхностный и быстрый, средний пульс запаздывающий и неровный, а верхний пульс частый и тяжелый. Итак, то, что на левой руке нижний пульс сильный и напряженный, означает болезнь сердца, которое недостаточно заполняется; то, что средний пульс неровный и замедленный, указывает на потливость и слабость мускулов, то, что верхний пульс слаб в середине и глубок по сторонам, свидетельствует о том, что моча красного цвета, а при испражнениях бывают выделения крови. То, что на правой руке нижний пульс поверхностный и быстрый, доказывает, что закупорены внутренние артерии, то, что средний пульс дает перебои, подтверждает застой пищи и жидкости в желудке, а то, что верхний пульс частый и тяжелый, дает основание утверждать, что чувства безысходной тоски и одиночества охватили государя и не оставляют его. Итак, после осмотра правителя можно точно установить его болезнь: тревога, сопровождаемая тоской. Эта болезнь известна под названием «Голубки, потерявшие друг друга».

Правитель государства, находившийся в опочивальне, слышал все, что сказал Сунь У-кун, и сердце его исполнилось радостью. Он воспрянул духом и громко крикнул в ответ:

— Совершенно верно! Этой болезнью я и страдаю! Очень прошу тебя приготовить мне снадобье!

Вот когда Великий Мудрец Сунь У-кун набрался важности!

Он вышел из внутренних покоев дворца медленными шагами. Дворцовый евнух, который находился рядом с Сунь У-куном и все слышал, уже успел известить всех придворных о случившемся.

Вскоре в тронном зале появился Сунь У-кун. Танский монах бросился к нему с расспросами.

— Я проверил пульс, — ответил Сунь У-кун, — а сейчас займусь изготовлением лекарства, необходимого при данной болезни.

Тут толпа придворных подошла к Сунь У-куну.

— Преосвященный благочестивый монах! Что же это за болезнь у нашего государя? — спросил кто-то из толпы.

Сунь У-кун улыбнулся:

— Жили-были голубок и голубка, — сказал он со смехом, — они никогда не разлучались и летали вместе. Но вот внезапно налетела буря и разметала их в разные стороны. Голубка потеряла голубка, а голубок — голубку. Голубка тоскует о голубке, а голубок — о голубке. Разве это не болезнь голубков, потерявших друг друга?

Царедворцы, услышав эти слова, пришли в радостное изумление:

— Вот уж поистине святой монах! Волшебный врачеватель! — слышались долго не смолкавшие восторженные возгласы.

Присутствовавший здесь главный дворцовый лекарь обратился к Сунь У-куну с вопросом:

— Болезнь ты уже определил, но интересно знать, какое дашь снадобье для лечения?

— Нет необходимости выписывать рецепт, — беззаботно ответил Сунь У-кун, — годится любое снадобье, какое попадется на глаза.

— Как же так? — возразил лекарь. — В главной книге по врачеванию сказано: «Снадобий всего имеется восемьсот восемь, а у людей четыреста четыре болезни». Все эти болезни не могут быть в одном человеке сразу. Как же ты можешь говорить, что «годится любое снадобье, какое попадется на глаза»!

— У древних была такая поговорка, — сказал в ответ ему Сунь У-кун: — «Не смотри на рецепт,

а давай то лекарство, которое помогает». Поэтому мне надо собрать все лекарства: одни убавить, другие прибавить и по собственному усмотрению приготовить снадобье.

Лекарь не стал больше разговаривать, тотчас же пошел к воротам дворца и отправил дежурных служащих своего приказа по всем знакомым и незнакомым аптекам города с распоряжением доставить на имя Сунь У-куна по три цзиня разных лекарств, какие только имеются.

— Здесь неподходящее место для изготовления снадобья, — сказал главному лекарю Сунь У-кун. — Нельзя ли все эти лекарства, а также всю посуду и приборы, необходимые для их изготовления, направить в подворье для иноземцев? Пусть передадут двум ученикам моего наставника, находящимся там!

Лекарь послушался, и все восемьсот восемь разных лекарств по три цзиня каждого, а также всевозможные вальки, терки, сита, эмульсии, вместе со ступками и пестиками, были доставлены в подворье и переданы под расписку.

Сунь У-кун вернулся в тронный зал и пригласил своего наставника отправиться вместе с ним в подворье для изготовления снадобья.

Танский монах собрался было идти, но вдруг из внутренних покоев появился кто-то из приближенных правителя и передал его желание, чтобы наставник остался во дворце и вместе с правителем переночевал в зале Изящной словесности. Правитель обещал на следующее утро, после того как он примет лекарство и получит исцеление от болезни, щедро отблагодарить монахов, выдать им пропуск и проводить их.

Танский монах сильно встревожился.

— Брат мой! Это значит, что меня оставляют здесь заложником, — сказал он. — Если ты вылечишь правителя, он нас с радостью проводит, если же нет, то моей жизни конец... Будь как можно внимательней и тщательно проверяй дозировку, когда будешь готовить лекарство!

— Не беспокойся! — посмеиваясь, сказал Сунь У-кун. — Пользуйся предоставленными благами. Не забудь, что старый Сунь У-кун прослыл первым лекарем во всем государстве!

Ну что? Не молодец ли наш Сунь У-кун? Простившись с Танским монахом и поклонившись всем придворным чинам, он направился прямо в подворье. Его встретил Чжу Ба-цзе и со смехом сказал:

— Брат! Теперь я все понял!

— Что понял? — удивился Сунь У-кун.

— Понял, что ты уверился в бесплодности своего стремления добыть священные книги, а денег, чтобы заняться каким-нибудь делом, у тебя нет. Поэтому, увидев, что город этот богатый, решил открыть здесь свою аптеку.

— Перестань болтать! — одернул его Сунь У-кун. — Если удастся исцелить здешнего правителя, мы распрощаемся со двором и завтра же утром отправимся в дальнейший путь. О какой же еще аптеке может идти речь?!

— Может быть, я ошибся, — сказал Чжу Ба-цзе, — но ведь сюда нанесли восемьсот восемь разных лекарств, каждого по три цзиня, что составляет две тысячи четыреста двадцать четыре цзиня! Много ли нужно, чтобы вылечить одного человека? Сколько потребуется лет, чтобы израсходовать все это количество лекарств?

— Ты прав, — ответил Сунь У-кун. — Но дело в том, что здешние придворные лекари глупы и невежественны, поэтому я и велел достать столько разных лекарств, пусть ломают себе голову. Все равно никогда не узнают, какое из лекарств я использовал для моего снадобья.

Пока они разговаривали, к ним подошли два зрителя и опустились на колени перед Сунь У-куном.

— Покорнейше просим тебя, преосвященный благочестивый монах, отведать вечернюю трапезу, — сказали они оба.

— Что это вы утром обращались со мной без всяких церемоний, а теперь становитесь на колени? — удивился Сунь У-кун. — В чем дело?

Отбивая земные поклоны, зрители пояснили:

— Когда ты прибыл сюда, отец наш, мы были словно слепые, не распознали тебя. Теперь же мы убедились в том, что ты великий врачеватель и взялся излечить нашего государя. Если ты его исцелишь, то получишь полцарства, и все мы станем так же и твоими подданными. Вот почему мы оказываем тебе всяческие почести.

Сунь У-кун выслушал их и, очень довольный, вошел в главный зал, где занял почетное место.

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн уселись по обе стороны от него. Подали еду. Ша-сэн спросил:

— Скажи, старший брат мой, где сейчас наш наставник?

— Наш наставник задержан правителем в качестве заложника, — смеясь, отвечал Сунь У-кун. — Его отблагодарят и проводят в дальнейший путь только в том случае, если правитель излечится от своей болезни.

— А кормят ли его там? — продолжал расспрашивать Ша-сэн.

— Еще бы! — отвечал Сунь У-кун. — Когда я пришел туда, трое почтенных придворных уже ухаживали за ним и пригласили в зал Изящной словесности.

— Выходит, наш наставник поставлен все же выше тебя, — злорадно сказал Чжу Ба-цзе, — ведь к нему приставлены почтенные сановники, а нас обслуживают всего лишь два смотрителя... Ну, да какое мне до этого дело! Мне бы наесться до отвала — и все!

На этот раз монахи поели всласть.

Между тем наступил уже вечер. Сунь У-кун позвал смотрителей.

— Уберите-ка посуду, — приказал он, — и принесите побольше светильников и свечей. Ночью, когда воцарится тишина, мы приступим к изготовлению снадобья.

Смотрители принесли изрядное количество свечей и светильников, после чего им было велено удалиться. Шум города стал понемногу стихать, умолкли голоса и настала полночь.

— Брат, какое же снадобье ты будешь готовить? — спросил Чжу Ба-цзе. — Давай скорее приниматься за работу: меня что-то клонит ко сну.

— Достань мне один лян ревеня, — сказал Сунь У-кун, — и мелко разотри его.

— Ревень горький на вкус, — сказал Ша-сэн. — Он быстро действует и не ядовит; обладает свойством не задерживаться в желудке и быстро выводится из кишечника. Он отгоняет мрачное настроение и предохраняет от завалов и засорений. Его зовут в народе «полководцем», так как он умиряет бучу и водворяет спокойствие в желудке. Это очень ходовое лекарство, но, боюсь, что больным, ослабевшим от продолжительной болезни, нельзя его принимать.

— Ты не знаешь, просвещенный брат мой, — засмеялся Сунь У-кун. — Ревень помогает также очищать и дыхательные пути. Он разгоняет жар, скапливающийся в кишечнике. Не вмешивайся в мои дела, а лучше достань один лян семян бадоу, очисти их от кожуры и пленки, выжми ядовитое масло и хорошенько разотри.

— Бадоу — очень острый на вкус, — сказал Чжу Ба-цзе, — он быстро действует и ядовит. Он помогает при сильных запорах и простуде легких. Прочищает все проходы и действует как решительный полководец, пробивающий все заставы и ворота. Но пользоваться этим лекарством нужно очень осторожно.

— Премудрый брат мой! — иронически произнес Сунь У-кун. — Ты тоже ничего не знаешь. Это лекарство прочищает желудок, помогает при расширении сердца и от водянки. Занимайся

своим делом. Мне еще надо подобрать подсобные лекарства! Монахи тотчас же принялись растирать оба лекарства, а затем спросили:

— Братец! Сколько десятков лекарств тебе еще понадобится?

— Больше ничего не надо! — отвечал Сунь У-кун.

— Как же так? — удивился Чжу Ба-цзе.—Из восьмисот восьми лекарств, по три цзиня каждого, ты воспользовался всего лишь двумя лянми двух видов?! Право, ты решил потешиться над людьми.

Сунь У-кун взял фарфоровую плошку, разрисованную цветами, и обратился к Чжу Ба-цзе:

— Брат! Ты не разговаривай, а натри мне лучше полплошки сажу, которую наскоблишь с днища котла, и принеси сюда.

— Зачем? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Нужно для снадобья, — отрезал Сунь У-кун.

— Мне никогда еще не приходилось видеть, чтобы в лекарства клали сажу,— проговорил Ша-сэнь.

— Сажу на днище котла носит название «Иней сотни трав» и способна излечивать сотни болезней, а ты не знал об этом, — поддел его Сунь У-кун.

Дурень Чжу Ба-цзе в самом деле наскоблил полплошки сажу и мелко растер ее. Сунь У-кун опять передал ему плошку и сказал:

— А теперь сходи к нашему коню и набери полплошки конской мочи.

— Для чего? — изумился Чжу Ба-цзе.

— Нужна, чтобы скатать пилюли, — ответил Сунь У-кун. Ша-сэнь рассмеялся и опять вступил в пререкания с Сунь У-куном.

— Брат! — молвил он. — Дело не шуточное, и ты брось свои шутки! Конская моча обладает резким и неприятным запахом, как же можно примешивать ее к лекарству? Мне приходилось видеть пилюли, скатанные на уксусе, на густом рисовом отваре, на растопленном меду или просто на чистой воде. Но где это видано, чтобы пилюли катали на конской моче? От них пойдет такая вонь, что всякого, кто страдает несварением желудка, от одного только запаха

начнет мутить. А если вдобавок дать ему бадю и ревень, то беднягу начнет одновременно и рвать и нести. Это что, по-твоему, шуточки?

— Эх ты! Не знаешь самого главного, — насмешливо возразил Сунь У-кун. — У нас ведь не простой конь. Он раньше был драконом в Западном море. Если он согласится дать сейчас своей мочи, могу тебя уверить, что она вылечит сразу же от какой хочешь болезни.

Чжу Ба-цзе, услышав эти слова, отправился к коню с самым серьезным видом. Конь лежал на боку и спал. Дурень пинками поднял его на ноги и подлез под брюхо с плоской. Долго он прождал, но конь, видно, вовсе и не собирался мочиться. Тогда он побежал к Сунь У-куну.

— Брат! Забудь о правителе и займись лучше лечением нашего коня! У него все пересохло и ни одна капля мочи не выходит!

Сунь У-кун рассмеялся.

— Пойдем вместе! — сказал он.

— И я с вами, — сказал Ша-сэн.

Все трое подошли к коню. Конь стал брыкаться и вдруг заговорил по-человечьи.

— Старший брат, — грозно воскликнул конь, — неужто ты не знаешь? Я ведь летающий дракон с Западного моря и был наказан за то, что нарушил законы неба. Гуаньинь спасла меня, но в наказание у меня спилили рога, сняли чешую и превратили в коня, чтобы я вез нашего наставника на Запад за священными книгами. Этим я искупаю свою вину. Если я, переходя через речку, помочусь, то рыбы, оказавшиеся поблизости, проглотив мою мочу, сразу превратятся в драконов, если же это случится при переходе через гору и моча оросит траву, то трава превратится в чудесное грибовидное растение линчжи, а это растение дает долголетие отрокам, которые прислуживают отшельникам, собирающим целебные травы. Как же я могу в таком мирском месте извергнуть из себя свою чудодейственную влагу?

— Будь осторожен в словах, брат мой, — прервал коня Сунь У-кун. — Мы находимся не где-нибудь в мирском месте, а в царстве, расположенном в западных краях, и тебя просят извергнуть влагу неспроста. Знаешь пословицу: «Из множества шерстинок получается шуба». Нам нужно излечить от недуга здешнего правителя. Если это нам удастся, мы обретем большую честь и славу. В противном случае боюсь, что нам добром не выбраться из этой страны.

Тогда конь закричал:

— Обожди, сейчас!

Вы бы видели, читатель, как он подался вперед и стал бить землю передними копытами, потом присел на задние ноги, пятясь назад, и громко лязгая при этом зубами. Наконец с большим трудом ему удалось выделить из себя небольшое количество жидкости, и он успокоился.

— Ах ты, негодник! — сказал Чжу Ба-цзе. — Хоть жидкость у тебя и золотая, но зачем так скупиться? Дай хоть еще немного!

Сунь У-кун, увидев, что в плошке лишь немного не хватает до половины, закричал:

— Довольно! Довольно! Забирай плошку!

Теперь только Ша-сэн успокоился.

Все трое монахов вернулись в свое помещение, где смешали вместе приготовленные лекарства, а затем скатали три больших пилюли.

— Не слишком ли велики? — беспокоился Сунь У-кун.

— Да что ты? — отвечал Чжу Ба-цзе. — Всего только с грецкий орех. Мне на один глоток не хватило бы!

Пилюли затем были уложены в маленькую коробочку, и монахи, не раздеваясь, легли спать. О том, как прошла эта ночь, рассказывать нечего.

Уж давно рассвело, когда правитель государства, преисполненный разумных надежд, преодолевая болезнь, призвал к себе своих сановников. Он пригласил Танского монаха присутствовать на приеме и сразу же повелел придворным чинам спешно отправиться в подворье, поклониться преосвященному монаху и взять у него лекарство.

Множество чинов прибыло в подворье и распростерлось ниц перед Сунь У-куном.

— Наш повелитель велел поклониться тебе и получить твое чудотворное снадобье, — молвили они.

Сунь У-кун велел Чжу Ба-цзе подать коробочку, открыл крышку и вручил снадобье придворным чинам.

— Как называется это лекарство? — спросили придворные. — Скажи нам, чтобы мы могли доложить государю.

— Оно называется «черные пилюли».

При этих словах Чжу Ба-цзе и Ша-сэн чуть не прыснули со смеху. «В самом деле, — думали они, — ведь в пилюли входит сажка, соскобленная с днища металлического котла, — как же иначе назвать это снадобье?»

— С чем принимать это лекарство? — продолжали расспрашивать придворные.

— Его можно принимать двояко: питьем, которое легче всего достать, является отвар, приготовленный из шести веществ.

— Каких же именно веществ?

— Из ветров, которые пускают вороны на лету, из рыбьей мочи в быстрой воде, из пудры царицы неба Сиван-му, из золы тигля, в котором мудрец Лао-цзюнь prepares пилюли бессмертия, из трех лоскутков ветхой головной косынки Нефритового императора и еще из пяти волосков, выданных из усов дракона. Если ваш правитель примет пилюли с этим отваром, то сразу же излечится от своего недуга.

— Этих веществ на всем свете не сыщешь, — уныло отвечали придворные. — А какое же другое питье?

— Вода, не имеющая истоков, — отвечал Сунь У-кун.

Придворные рассмеялись:

— Ну, это легко достать.

— Почему вы так думаете? — насмешливо спросил Сунь У-кун.

— У нас в народе говорят так: если нужна вода, не имеющая истоков, надо взять плошку или чашку, отправиться к колодцу или к реке, зачерпнуть воды, сразу же повернуть обратно и принести домой, не ставя ее на землю и ни разу не оборачиваясь назад. Такую воду дают больным запивать лекарство, — вот и все!

— Вода в колодцах и в реках имеет истоки, — возразил Сунь У-кун. — Но вода, о которой я говорю, совсем не такая. Она ниспадает с неба, и ее надо пить, пока она еще не коснулась земли. Вот почему и называют ее «вода, не имеющая истоков».

— Ну и что же? Такую воду тоже легко раздобыть, — ответили чиновники. — Придется обождать, когда будет пасмурно и пойдет дождь, и тогда только принимать лекарство. Затем придворные чины вновь поклонились Сунь У-куну, поблагодарили его и отправились к своему повелителю поднести ему лекарство.

Правитель очень обрадовался и велел приближенным показать ему снадобье. Рассматривая его, он спросил:

— Это что за пилюли?

— Преосвященный благочестивый монах изволил сказать, что это «черные пилюли» и их надо принимать с водой, не имеющей истоков, — отвечали придворные чины.

Правитель тотчас же приказал дворцовым служителям достать воды, не имеющей истоков.

— Преосвященный благочестивый монах соизволил еще пояснить, — поспешили сказать придворные, — что вода без истоков, это не колодезная и не речная вода, а вода, ниспадающая с неба и еще не коснувшаяся земли!

Тогда государь повелел вызвать чиновника, ведающего дворцовым выездом, и приказал ему призвать придворного мага, чтобы тот вызвал дождь.

О том, как было выполнено это распоряжение правителя, мы рассказывать не будем.

Вернемся к Сунь У-куну, который остался в подворье. Он подозвал к себе Чжу Ба-цзе и сказал ему:

— Дернуло же меня сказать им о воде, ниспадающей с неба. Время не терпит! Как же нам быть? По-моему, здешний правитель мудр и добродетелен. Давайте поможем ему раздобыть хоть сколько-нибудь такой воды. Что ты на это скажешь?

— Как же мы можем помочь? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Ты становись слева от меня и будешь моей звездой, спутником, — ответил Сунь У-кун, а затем позвал Ша-сэна: — Ты же встань справа и будешь моей вспомогательной планетой, а я постараюсь помочь правителю раздобыть немного воды без истоков.

Затем он совершил заклинание для ступания по звездам. Но не успел он произнести его, как на востоке появилась черная туча, которая постепенно приближалась и остановилась прямо над их головой. Раздался возглас:

— Великий Мудрец! Царь драконов Восточного моря-океана Ао-гуан явился к тебе!

— Без дела я не посмел бы потревожить тебя, — сказал Сунь У-кун. — Прошу помочь мне дать хоть сколько-нибудь воды без истоков здешнему правителю, чтобы он мог принять лекарство.

— Что же ты, Великий Мудрец, когда вызывал меня, не сказал, что тебе понадобится вода? Я явился без всего, не взял с собой никакой дождевой посуды, при мне нет также ни ветра, ни облака, ни грома, ни молнии. Как же я вызову дождь?

— Сейчас не потребуются ни ветер, ни облака, ни гром, ни молния, да и дождя большого не надо. Нужно всего лишь несколько глотков воды, чтобы запить лекарство!

— Ну, если так, — сказал царь драконов, — то обожди, я сейчас попробую чихнуть раза два и сплуну, а этого хватит запить лекарство.

Сунь У-кун пришел в восторг:

— Прекрасно! Это лучше всего! — восклицал он. — Только ты не медли, чихай поскорей!

Почтенный дракон опустил ниже черную тучу, приблизился к самому дворцу, набрал полный рот слюней и плюнул. Слюна его превратилась в благодатный дождичек. Весь двор пришел в неистовую радость. Слышались восторженные возгласы:

— Нашему повелителю привалило огромное счастье! Сам Владыка неба ниспослал ему благодатный дождь!

Правитель немедленно распорядился:

— Достать все сосуды и собрать дождевой воды! Пусть все придворные чины, как внутренней, так и внешней дворцовой службы, независимо от старшинства и ранга, наберут в сосуды священной влаги во имя моего спасения.

Жаль, что вы не видели, читатель, как все гражданские и военные придворные чины, три тысячи прелестных придворных дам из всех дворцов, восемьсот пленительных красавиц, придворных танцовщиц выбежали с разными сосудами, чашами и тарелками в руках, чтобы набрать целебной воды.

Почтенный дракон, находясь на своей туче, все время стоявшей над дворцом и не двигавшейся ни взад, ни вперед, продолжал пускать слюни. Так прошло больше часа, после чего царь драконов распрощался с Великим Мудрецом Сунь У-куном и отправился в обратный путь.

Все придворные чины и дамы возвратились во дворец, бережно неся сосуды. У кого оказались одна или две капли, некоторым посчастливилось набрать до пяти, но были и такие, у которых не оказалось ни одной капли в сосуде. Когда все капли слили в одно место, получилось более трех полных чарок, которые и были поставлены на столик перед правителем. Сразу же в зале Золотых колокольчиков разлился изумительный аромат, и вскоре весь дворец был напоен этим прекрасным небесным запахом!

Правитель государства расстался с Танским монахом, взял черные пилюли, благодатную дождевую воду и удалился во внутренние покои. Сперва он проглотил одну пилюлю и запил ее целой чаркой воды, затем проглотил вторую пилюлю и ее тоже запил целой чаркой и, наконец, проглотил третью пилюлю, запив ее всей оставшейся благодатной дождевой водой.

Вскоре в животе правителя так заурчало, что, казалось, там загромыхали колеса на турусах. Ему сразу же подставили стульчак, и он сходил подряд раза три, а может и пять, после чего испил немного рисового отвара и лег на свое ложе. Две придворные дамы проверили царский стул. Не пересказать даже, сколько там оказалось грязи и слизи, причем был целый комок непереваренной пищи из клейкого риса. Дамы подошли к ложу государя и доложили ему:

— Корни вашей болезни удалены!

Правитель еще больше обрадовался от этих слов и с аппетитом съел чашку риса.

Вскоре он почувствовал облегчение в груди, дыхание его стало ровным и кровь заиграла в жилах. Он воспрянул духом и ощутил силу в ногах. Сойдя со своего ложа, он облачился в парадные одежды и сам, без посторонней помощи, направился в тронный зал. Увидев Танского монаха, он сразу же повалился ему в ноги и начал низко кланяться. Танский монах поспешил в свою очередь поклониться правителю. Когда церемония поклонов была закончена, правитель, поддерживая Танского монаха, подозвал к себе самых важных сановников.

— Напишите скорей приглашение, — приказал он, — в котором должно быть сказано, что мы «еще раз бьем челом», и пошлите гонцов в подворье за тремя высокочтимыми учениками благочестивого наставника. Велите также открыть восточные хоромы и пусть стольничий приказ устроит там благодарственный пир.

Сановники принялись выполнять распоряжение. Одни писали приглашения, а другие занялись устройством пиршества. Не зря говорят, что государство обладает силой, способной свалить гору! Все было сделано почти в одно мгновение.

Вернемся теперь к Чжу Ба-цзе, который первым заметил придворных гонцов с приглашением. Вне себя от радости он стал звать Сунь У-куна:

— Брат! Твое лекарство в самом деле оказалось чудодейственным! К нам идут придворные чины выражать благодарность, что полностью является твоей заслугой!

— С чего это ты взял, брат! — возразил Ша-сэн. — Есть хорошо известная пословица: «Кому повезет, у того и весь дом счастлив»! Мы все вместе готовили снадобье, стало быть и заслуга принадлежит всем нам. Ступай, принимай гонцов и не болтай лишнего.

Радостные и ликующие, наши три монаха отправились во дворец.

Придворные чины встретили их с почетом, провели в восточные хоромы, где их давно уже ожидали Танский монах, правитель Пурпурного царства и все важные сановники-царедворцы, которые приготвили пировать. Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн приветствовали своего наставника почтительными возгласами. Следовавшие за ними придворные прибыли в полном составе. На почетном возвышении в зале стояли четыре стола, уставленные всевозможными постными блюдами, до того аппетитными, что глаза разбегаются, глядя на них. Впереди стоял еще один стол со скоромными блюдами, такими же аппетитными. Справа и слева были расставлены в строгом порядке четыреста, а может и пятьсот, отдельных столиков.

В древности сказано: «Сладчайшие из богатств —

Тысяча кубков вина и сотня изысканных яств,

Жир белоснежный и рядом — сыр остро-пахучий,

А за столом гости в ярких нарядах — что же может быть лучше?»

Так и сегодня: багрянцем сверкают наряды,

Словно цветы, что красой своей радуют взгляды;

Праздника ради родные покинув сады,

Полные рдяного сока, лежат на подносах плоды;

Сахарные драконы и леденцовые львы

Видом своим прихотливым заслуживают хвалы;

Жаровни и сковороды протянулись рядами,

Наполнены мясом одни, золотятся другие блинами.

Меж птицею разной лежат, над столом возвышаясь, как глыбы,

Вепри, бараны, морские, озерные рыбы.

Здесь же и овощи, что так и просятся в рот,

Побеги бамбука, грибы драгоценных пород.

Настои, отвары, изделия из сладкого теста

Просят гостей, чтоб для них уготовили место;

Похлебки душистые, кашу из желтого проса,

Сласти молочные духи проворно разносят.

Видом пленяя и вкусом, сменяются разные блюда,

И не скудеют вином искрометным сосуды.

Дивную пищу хозяин и гости вкушают,

Чару за чарою не торопясь осушают,

Потчует каждый исправно сидящего рядом соседа —

Течет, веселя, как вино, между ними беседа.

Правитель государства взял своей царственной рукой чарку с вином и высоко поднял ее. Он решил в первую очередь угостить Танского монаха.

— Я не пью вина, — отказался тот.

— Да ведь это не хмельное вино! Ничего не случится, если благочестивый наставник выпьет чарку! — настаивал правитель.

— «Не пей вина» — первая заповедь монахов, — твердо сказал Танский монах.

— Чем же потчевать тебя, благочестивый наставник, если ты отрекся от вина? — недовольным тоном спросил правитель.

— Пусть мои ученики выпьют за меня! — предложил Танский монах.

Правитель оживился и передал золотую чарку с вином Сунь У-куну. Тот принял чарку, вежливо поклонился всем присутствующим и разом осушил ее до дна.

Увидев, с какой охотой Сунь У-кун пьет вино, правитель поднес ему еще одну чарку. Великий Мудрец не отказался и опять осушил ее.

— Ну, а теперь и третью чарку во славу «трех драгоценностей», — засмеялся правитель. Сунь У-кун и от третьей не отказался и выпил ее с еще большим удовольствием. Правитель велел налить еще: — Выпей за четыре времени года! — предложил он.

Чжу Ба-цзе, видя, что вино все не доходит до него, от нетерпенья стал громко глотать слюнки. Когда же он заметил, что правитель усердно потчует только Сунь У-куна, он не выдержал и закричал:

— Есть и моя заслуга в изготовлении снадобья, которое исцелило ваше величество. В него примешана конская...

Сунь У-кун, опасаясь, как бы Дурень не проболтался, поспешил передать ему свою чарку и тем самым заставил замолчать. Дурень схватил чарку, жадно осушил ее и ничего больше не сказал, но правитель заинтересовался и спросил:

— Благочестивый монах, ты только что сказал, что в снадобье вошла конская... что конская?

Сунь У-кун, не давая Чжу Ба-цзе ответить, начал выкручиваться:

— Мой брат отличается чрезмерной болтливостью, и если знает какой-нибудь проверенный способ изготовления лекарства, то непременно должен сообщить его всем. В лекарство, которое ваше величество давеча утром изволили принять, входила конская трава.

— Что за конская трава? — спросил царь, обращаясь к своим придворным. — От чего она излечивает?

Поблизости оказался главный придворный лекарь из палаты врачевания, который так отвечал повелителю:

— Повелитель мой, владыка, — начал он:

На вкус трава горька и нёбо холодит,

Вреда ж в себе она, однако, не таит;

Ровнее от нее становится дыханье,

Спокойней крови бег, острее обонянье.

К тому ж она глистов из тела изгоняет,

Мощь плоти придает, от кашля избавляет,

От вредной хрипоты освобождает грудь

И к исцелению прокладывает путь.

— Вот и хорошо, что эта трава вошла в лекарство, то-то оно подействовало! — смеясь, проговорил правитель. — Почтеннейший Чжу, выпей еще!

Дурень продолжал молчать, но все же выпил целых три чарки за «три драгоценности».

Царь поднес вино и Ша-сэну, который тоже выпил три чарки. Пили и ели очень долго. Наконец правитель вновь высоко поднял большую чарку и поднес ее Сунь У-куну.

— Государь! Прошу вас, сядьте! — сказал Сунь У-кун. — Смею вас заверить, что я не откажусь выпить, если только все будут пить по очереди.

— Преосвященный благочестивый монах, — произнес правитель. — Твоя милость ко мне столь

же велика, как гора Тай-шань. Я не знаю даже, чем отблагодарить тебя за исцеление. Уж как хочешь, но выпей эту большую чарку, и я расскажу тебе кое-что.

— Что же ты хочешь рассказать? — спросил Сунь У-кун. — Скажи, чтобы мне легче было выпить.

— Мне выпало на долю испытать скорбь, от которой я и заболел, — молвил правитель. — А ты своим волшебным средством прочистил мне внутренности и избавил от страданий.

— Когда вчера я поглядел на тебя, — лукаво посмеиваясь, сказал Сунь У-кун, — то сразу же понял, что тебя извела злая тоска, но хотелось бы знать, о чем ты горюешь?

— Есть мудрая пословица: «Нельзя выносить сор из избы», — отвечал повелитель. — Но ты, преосвященный благочестивый монах, для меня являешься милостивейшим благодетелем. Если обещаешь не смеяться надо мною, я, так и быть, расскажу тебе.

— Разве осмелюсь я смеяться над тобой, государь? — серьезным тоном проговорил Сунь У-кун.
— Прошу тебя, поведай обо всех твоих тревогах.

— Преосвященный благочестивый монах, ты прибыл сюда из восточных земель, скажи, в скольких странах ты побывал по дороге сюда? — спросил правитель.

— В пяти или шести, — отвечал Сунь У-кун.

— Не запомнил ли ты, как величали цариц в этих странах?

— Обычно цариц во всех странах принято величать: «Чжэн Гун», «Дун Гун» и «Си Гун», что значит царица из Главного дворца, Восточного дворца и Западного дворца, — сказал Сунь У-кун.

— А я своих цариц звал иначе: государыню звал Цзиньшэнгун, так как она была мне дорога, как золото, вдовствующую государыню звал Юйшэнгун — Яшмовой, а первую наложницу Иньшэнгун — Серебряной. Сейчас у меня остались только две государыни: Серебряная и Яшмовая...

— Почему же Золотая государыня не находится у себя во дворце? — заинтересовался Сунь У-кун.

У правителя потекли слезы из глаз, и он едва выговорил:

— Ее там нет уже три года.

— Куда же она исчезла? — продолжал расспрашивать Сунь У-кун.

— Три года назад,— начал правитель, — как раз в день праздника Лета, я находился с ней и с придворными прислужницами в Гранатовой беседке дворцового сада, где мы развешивали треугольники с рисом, выбирали из них отварной рис и ели его, запивая крепким желтым вином из фиалкового корня чанпу, в которое обмакивали листья полыни для отвращения злых духов. Мы смотрели лодочные гонки, как вдруг налетел сильный ветер и в воздухе показался дьявол-оборотень, который назвался Сай Тайсуй — сильнейшим из всех злых духов. Он заявил, что обитает в пещере Чудесного оленя-единорога, что на горе Диковинного носорога, и сказал, что ему не хватает жены. Узнав, что моя Золотая царица отличается необыкновенной красотой и грациозностью, он явился ко мне и стал требовать, чтобы я немедленно отдал ее ему в жены, что он будет считать до трех, и если я откажусь, он сожрет меня, а затем всех придворных и даже жителей столицы. Из жалости к своей стране и моему народу я тогда же вытолкнул Золотую царицу из беседки, так как ничего не мог сделать с этим дьяволом, а он с диким воплем подхватил мою красавицу и умчался с ней. Вот тогда-то я и занемог от испуга, причем рис, который я ел во время праздника, застрял во мне. Меня охватила тоска, от которой я не мог избавиться ни днем, ни ночью, отчего и заболел тяжким недугом, мучившим меня три года. Преосвященный благочестивый монах! Приняв твои чудодейственные пилюли, я очистился от всей мерзости, застрявшей во мне три года назад. Теперь я чувствую себя совершенно здоровым и бодрым, словно не болел. Я обязан тебе своей жизнью и считаю твое благодеяние столь же великим, как гора Тайшань!

Сунь У-кун преисполнился радостью, услышав эти слова. Он взял в руки огромный кубок в виде рога и в два приема осушил его до дна.

— Так вот какая тоска изводила его величество! — со смехом сказал Сунь У-кун. — Тебе повезло, что ты встретился со мною и получил исцеление. А не хочешь ли, чтобы твоя Золотая царица снова вернулась к тебе? — пытливо спросил он.

У царя навернулись слезы на глаза.

— Я искренне грущу,— проговорил он, — и днем и ночью думаю о ней, но нет у меня никого, кто мог бы схватить этого дьявола. Разве могу я надеяться на ее возвращение?

— А что ты скажешь, если я, старый Сунь У-кун, приведу в покорность злого оборотня?

Правитель сразу же опустился на колени и сказал:

— Если ты спасешь мою царицу, то я обещаю покинуть дворец со всеми своими царицами и всеми их прислужницами, выйду из города и стану твоим подданным-простолюдином, передам тебе всю страну с ее реками и горами, чтобы ты царствовал в ней как государь-император.

Чжу Ба-цзе, услышав эти слова и глядя на правителя в столь необычной позе, не выдержал и громко расхохотался:

— Вот так царь! — проговорил он, захлебываясь от смеха. — Совсем потерял свое достоинство! Как можно из-за бабы отказаться от своей страны, от рек и гор, да еще стоять на коленях перед монахом?

Сунь У-кун быстро подбежал к правителю и, поднимая его с полу, сказал:

— Государь, а являлся ли за это время еще раз дьявол-оборотень, после того как похитил Золотую царицу?

— В позапрошлом году в день праздника Лета он похитил Золотую царицу, — припоминал царь. — В том же году в десятой луне он явился за двумя прислужницами царицы, и они были выданы ему. В третьем месяце прошлого года он снова явился и потребовал еще двух дворцовых прислужниц, затем в седьмом месяце — еще двух. В нынешнем году, во втором месяце — опять двух. Не знаю, когда еще появится.

— А внушает ли он вам всем страх, когда появляется? — спросил Сунь-У-кун.

— Во-первых, я его самого боюсь, — отвечал царь, — особенно стал бояться, когда дьявол зачастил к нам; во-вторых, опасаясь его пагубных намерений. Поэтому еще в прошлом году в четвертом месяце я приказал построить башню-убежище от дьявола. Всякий раз, как только налетает сильный порыв ветра, предвещающий появление дьявола, я прячусь в башню со своими двумя царицами и девятью наложницами.

— Не откажи в просьбе показать мне твое убежище! — попросил Сунь У-кун.

Правитель взял его за левую руку и повел из-за стола. Все придворные чины разом поднялись со своих мест. Чжу Ба-цзе обозлился:

— Брат, — холодно сказал он. — Какой ты, право, неразумный! Стоит ли из-за этого нарушать такой великолепный пир и поднимать всех на ноги?

Правитель сразу же смекнул, чего хочет Чжу Ба-цзе, и приказал сановнику, ведающему царским выездом, распорядиться, чтобы вынесли два стола с постными блюдами и поставили их у входа в башню, а к столам чтобы приставили виночерпиев с вином. Дурень Чжу Ба-цзе тотчас же замолк и, обращаясь к Танскому монаху и Ша-сэну, предложил:

— Пойдемте пировать на новом месте!

Вереница придворных чинов, выстроившихся рядами, чинно шествовала впереди. Правитель шел рядом с Сунь У-куном, поддерживая его. Они прошли через дворец, вошли во дворцовый сад, но никаких башен или хором не было видно.

— Где же башня-убежище от дьявола? — не выдержал Сунь У-кун.

В этот момент два дворцовых евнуха взяли в руки два лома, покрытых красным лаком, и подсунули их под большую квадратную плиту, лежавшую посреди лужайки.

— Вот здесь! — сказал правитель. — В этом подземелье глубиной более двух чжанов расположено девять дворцовых залов. Четыре чана с чистым гарным маслом предназначены для фонарей, которые горят и днем и ночью. Сюда я и прячусь при шуме ветра, а людям снаружи приказано закрывать вход каменной плитой.

— Этот дьявол все же не собирается губить тебя, — засмеялся Сунь У-кун. — Да если бы он захотел, разве смог бы ты укрыться от него здесь?

Не успел Сунь У-кун договорить, как с юга подул сильный ветер с резким свистом, подняв тучи пыли. Придворные пришли в ужас и стали роптать на Сунь У-куна:

— Ну и зловеющий язык у этого монаха: стоило ему только заговорить о дьяволе, а он уж тут как тут!

Правитель бросил Сунь У-куна и полез прятаться в подземелье. За ним последовали Танский монах и все придворные чины.

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн тоже хотели было спрятаться, но Сунь У-кун задержал их.

— Братья! Не бойтесь! Давайте познакомимся с дьяволом и посмотрим, что он представляет собой!

— Брось болтать ерунду! — взволновался Чжу Ба-цзе. — Чего с ним знакомиться? Придворные все спрятались, наставник тоже, и правитель укрылся, а мы что? Так и останемся здесь? В какой же родословной будут восхвалять нас за такую отвагу?

Он хотел вырваться из рук Сунь У-куна, но это ему не удалось. Великий Мудрец крепко держал его, пока в небе не показался сам дьявол-оборотень. Вот послушайте, как он выглядел:

Он ростом в девять чи

И злей, чем лютый пес,

Глаза, как фонари,

Свисает сливой нос,

Что ниточки, усы

Красны, под цвет волос,

Которыми, как лев,

Он до ушей оброс.

То уши у него

Иль новый вид колес?

То брови у него

Иль два огня зажглось?

То пальцы у него

Иль пять когтей впилося

В железное копье?

Клык изо рта торчит

Иль пики острие?

Как мертвеца душа,

Вздохмачен он и бос,

Мех барса, что на нем,

К нему как бы прирос,

Не пурпуром лицо,

А синью залилось,

В длину и ширину

Ужасно раздалось...

Кому из вас, друзья,

С ним встретиться пришлось?

— Ты не узнаешь его, Ша-сэн? — спросил Сунь У-кун.

— Мне никогда не доводилось встречаться с ним, — отвечал Ша-сэн. — Как же я могу узнать его?

— Чжу Ба-цзе! Ну ты, наверное, узнаешь его? — воскликнул Сунь У-кун.

— Откуда же мне знать? — удивился Чжу Ба-цзе. — Мне ни разу не приходилось с ним пить чай или распивать вино. К тому же он не приходится мне ни другом, ни соседом.

— А по-моему, он похож на дьявола с намазанным лицом и золотистыми глазами, который служит привратником у духа горы Восточный пик и получил прозвище Равный небу.

— Вот уж нет! Совсем не он, — возразил Чжу Ба-цзе.

— Откуда ты знаешь, что не он? — поддел его Сунь У-кун.

— Дьяволы относятся к темному царству и находятся там весь день до позднего вечера. Они появляются только в часы шэнь, ю, суй и хай. А сейчас еще только час сы. Какой же дьявол осмелится показаться в такое время? Ведь дьяволы не умеют летать на облаках. Если они и могут вызвать ветер, то только небольшой вихрь, а не такой свирепый ураган. Уж не является ли он духом Сай Тайсуй?

— Ай да Дурень! Молодец! — засмеялся Сунь У-кун. — Оказывается, кое-что соображаешь. Раз уж ты так сказал, то вы пока покараульте здесь вдвоем, а я отправлюсь, расспрошу этого дьявола, как его зовут и величают, чтобы мне было сподручнее вызволить Золотую царицу и возвратить ее здешнему правителю.

— Делай как знаешь, только нас не впутывай, — сказал Чжу Ба-цзе.

Сунь У-кун ничего не ответил и взглянул вверх. Затем он быстро взвился в небо по благодатному лучу, совершив обычный прыжок.

Вот уж, поистине:

Чтобы стране спокойствие вернуть,

Пришлось царя избавить от недуга;

Чтоб совершенства соблюсти великий путь,

Пришлось, не зная недруга и друга,

От злобы и любви свою очистить грудь.

Чем кончился этот поход Сунь У-куна, победил ли он дьявола-оборотня, сражаясь с ним в воздухе, изловил ли он его и освободил ли из плена Золотую царицу, — обо всем этом вы узнаете, читатель, из следующих глав.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/288228>